



**ВЕРА СИБИРЕВА**



**СКАЗЫ  
И  
СКАЗКИ**



Вера Сибирева  
**Сказки и сказы**

«Издательские решения»

## **Сибирева В. В.**

Сказки и сказы / В. В. Сибирева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904873-8

Вдова известного поэта и журналиста Владимира Сибирева начала писать сказки на пенсии. Сюжеты брала из историй, которые ей рассказывали родные в детстве в удмуртском селе, но творчески их перерабатывала. Творчество Веры Васильевны стало популярным после того, как о ней рассказали СМИ. Писательница распродала тираж своей книги, выпущенный в 1996 году, на улице в сильный мороз.

ISBN 978-5-44-904873-8

© Сибирева В. В.  
© Издательские решения

# Содержание

Об авторе	6
Красно солнышко	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

# Сказки и сказы

## Вера Васильевна Сибирева

© Вера Васильевна Сибирева, 2018

ISBN 978-5-4490-4873-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Сибирева Вера Васильевна

## Об авторе

*Сибирева (Несмелова) Вера Васильевна родилась 24 августа 1929 года в с. Вавож, Вавожского района Удмуртской АССР. В 1948 году окончила Вавожскую среднюю школу. В 1952 году – Удмуртский государственный педагогический институт.*

*В годы Великой Отечественной войны с 12 лет работала на подсобном хозяйстве Вавожской райбольницы.*

*После окончания пединститута работала в школе и более 25 лет в библиотеке.*

*С 1958 года живет в г. Екатеринбурге.*

*Занимается краеведением. Печаталась в районных, областных и республиканских газетах – «Удмуртская правда», «Комсомолец Удмуртии», «Кировская правда», «Уральский рабочий», «Уральская газета», «На смену», «Авангард», в журнале «Уральский следопыт» и т. д.*

*Пишет сказы и сказки. Работает над повестью о детях военного времени «Птица оспа с железным клювом»*

## Красно солнышко

### Сказка

Жили в нашем селе мужик да баба. Было у них три дочери – старшая Марья, средняя Дарья, младшая Настенька.

Как-то пошли сестрицы в село. Повстречались им три женщины. Спрашивают:

– Чьи ж вы такие, красавицы, будете?

– Федюшкины мы. Отца Федей зовут, – ответили сестрицы.

Может потому, когда отец у них помер, их мать Федяшихой прозвали.

Дети подрастают.

Вертится Федяшиха от зари до зари. Траву косит. Сено в копны сгребает. Копны переволакивает. Темными ночами лен треплет. Крупным гребнем и щеткою кудельку чешет. Тонкую нить прядет. У станка колдует, полотно ткет. Для меры голубую нить в полотно втокает.

День сменяется ночью, сутки сутками, одна работа другой.

Да приданое старшей дочке готовит.

Расцвела Марья, что маков цвет. Стройная, статная По двору пойдет, под ее ногой травка не тряхнетя, цветок не наклонится. Речи говорит, что кружева плётет. Под стать в царевны годится.

Вскоре и богатый жених объявился.

Веселым пирком да за свадебку.

Нагрузила Федяшиха Марье приданое – сундук кованый с дорогим сукном, шубку теплую киндячную ценинную на зайцах с пуговицами серебряным шубку холодную шерстяную рудожелтую, треух теплый камчатный зеленый, подбитый соболем, платья одно краше другого. На одних узоры крупные, разводистые, на других мелкотравчатые да крапчатые.

Посадила молодых в карету богатую, двухсветную. Набросила на плечи Марьюшке платок шерстяной, кремовый с маками алыми да кистями шелковыми. Причитает.

– На кого ты, Марьюшка, нас покидаешь?

Дарья с Настенькой еле в избу ее уволокли.

А как оправилась, завертелась сызнова. Сама землю пашет. Сама сеет. Сама рожь жнет. С корки на корку перебивается да приданое средней дочери готовит.

Расцвела Дарья, что яблоневого цвет. Пышна, бела да румяна. Глядит лисой, песенки поет, а ногти в запасе. В чужом глазу порошину видит, в своем пенька не замечает. Весь день сидит, белится да румянится, да в обновки наряжается. Платье ей не платье, платок не платок, сапожки не сапожки. Подавай сапожки с серебряными подковками. Под стать в боярыни годится.

Вскоре и боярин объявился.

У крыльца кони резвые с цепей рвутся, удила грызут, бьют копытами.

Тут пир собрали да свадьбу справили.

Нагрузила Федяшиха Дарье приданое – шубку холодную исподнюю тафтяную, рудожелтую, струйчатую с серебряными с финифтью пуговицами, шубку теплую красную кармазинную и с подлисем. На ней пуговицы серебряные, золоченые, кружево серебряное кованое. Треух соболей на банберене золотном, опушенный хвостами соболиными, сундук кованый с холстами рубашечными и подкладочными, да телегу с медом, сладостями.

Посадила молодых в карету боярскую, двухсветную. Причитает.

– Кровинушка ты моя, Дарьюшка! Любимая дочь моя...

Тут народ собрался. Подхватила Настенька мать под руки и увела в избу. Три дня и три ночи Федяшиха плакала, что срубленная ветка вянуть стала.

Ну, Настенька воды ей подаст, печь истопит. Щи сварит с подбелкою. Скот напоит, гусей накормит, в избе подметет. Словом, с хозяйством управляется.

Не заметила Федяшиха, как младшая дочь выросла.

В труде да заботах расцвела Настенька красным солнышком. Может, не так стройна, как Марьюшка? Может, не так бела, как Дарьюшка? Но тепла и красива, что красно солнышко. Добрая да ласковая, взглянет, будто солнышком пригреет.

Каждый парень в округе втайности мечтал такую себе в жены заполучить.

В ту пору проезжал через село Иванушка. Переночевать к Федяшихе попросился.

Смотрит утром Федяшиха. Двор подметен. Дрова распилены, в поленицы сложены. Выходят Настенька с Иванушкой да в ноги к ней падают.

– Вот, – говорит Настенька, – это мой суженый. Не гляди на меня комом, гляди россыпью. Будь, маменька, сироте одинокому родной матерью. Полюби его в черне, а в красне всяк полюбит.

Заголосила Федяшиха:

– Ни роду, ни племени... Бездолжный, безденежный... Ни кола, ни двора... И ты бесприданница. С пуговики на петельку перебиваться будете. Ох, безгнездной кукушкой проживешь...

– Да, о чем ты, маменька, убиваешься? – отвечает Настенька. – Все богатство при нас. Глаза видят. Ноги ходят. Руки делают.

Положила Федяшиха на них крестное родительское благословение. Посадила молодых в кошовку плетеную... Да, словно чего потеряла.

Одиноко стало Федяшихе. Тоска на сердце припала. И водой не запить тоску, не заесть, никаким зельем не заморозить.

Сидит у окна на лавочке. Щеку рукой подпирает. Ждет.

– Не приедут ли дочери?

Три года ждала, да разом в путь собралась. Приезжает она в одну деревню. Кругом липы растут. Кругом птицы поют. Под липами улья липовы стоят. В них пчелы жужжат. Подходит к крайней избушке. Спрашивает:

– Где здесь Липовы живут?

– Здесь, – отвечают ей, – в каждом доме одни Липовы живут. Других фамилий не имеется.

– Может, Марью вавожскую знаете?

– Вот тут она живет.

Смотрит Федяшиха. Стоит перед ней дом. Совсем отличный от других. Не дом, а шести-колонный дворец. Палаты каменные – большая парадная зала и малая гостиная с ярким фонарем у потолка. За малой гостиной – уборная, за уборной спальня да ряд низеньких комнат – «девичья», спальня и кабинет. Мезонины выходят на просторный двор с многочисленными службами. Крыльцо резное, узорчатое. На богатого – ворота расписные настезь, на убогого – запор. Двор, что цветущий сад. Посреди двора бьючий колодец.

Выходит навстречу старшая дочь Марья. На ней подзатыльник жемчужный на банберене, перстни с яхонтами и изумрудом, будто у королевы.

– Что, – говорит, – тебе, маменька, надобно?

– Сначала, – отвечает Федяшиха, – водицы подай матери. Устала с дороги-то.

Зачерпнула Марья в сенках кружку воды, на крыльце подает матери. Выпила Федяшиха студеной, колодезной водицы, да говорит:

– Стыдно сказать и не сказать грешно. Стара стала. Обносилась. Хочу по миру пойти, милостыню собирать. Так не подашь ли мне, доченька, мешочек какой?

Быстрехонько взвернулась Марья.

– Вот, – говорит; – маменька, новый сатиновый сшила.

Пошла Федяшиха к средней дочери Дарье. Три дня и три ночи шла.

Приходит она в другую деревню. Кругом лесная трава скошена. Кругом сено луговое сушится. Кругом стога стоят. Подходит к одной избушке. Спрашивает.

– Где здесь Макаровы живут?

– Здесь, – отвечают ей, – в каждом доме одни Макаровы живут. Других фамилий не имеется.

– Может, Дарью вавожскую знаете?

– Вот тут она живет.

Смотрит Федяшиха. Стоит перед ней дом. Не дом, а боярская крепость. Строго возвышаются каменные стены с грозными башнями. В них глаза-бойницы на четыре стороны. Выход со двора на улицу каменный, в выходе двери железом кованые. Двор, что город. Жилая каменная горница на жилом подлете, людская, отдельная стрепная кухня. Против горницы два дубовых погреба с сушилом и напогребницей, да малые ворота на двух щитах. По одну сторону ворот амбары дубовые. Овес в амбарах лежит безвыгребно. По другую – конюшня, на ней сенница. За малыми воротами сад и баня с предбанником. В доме столы бархатом крытые.

Выходит навстречу средняя дочь Дарья. На ней кокошник жемчужный атласный красный, серьги-камень лалы с яхонтом, зерна бурмицына на золоте, будто у важной боярыни.

– Что, – говорит, – тебе, маменька, надобно?

– Сначала, – отвечает Федяшиха, – водицы подай матери. Устала с дороги-то.

Зачерпнула Дарья из бочки стреховой воды, что с крыши после дождя сбежала. Подает у ворот матери.

Испила Федяшиха стреховой воды, да говорит.

– Стыдно сказать и не сказать грешно. Стара стала. Обносились. Хочу по миру пойти, милостыню собирать. Так не подашь ли мне, доченька, мешочек какой?

Быстрехонько взвернулась Дарья.

– Вот, – говорит, – маменька, новый холщевый сшила.

Смотрит Федяшиха. Во дворе внуки в рогатины большие камни заложили.

– Ишь, – кричат, – в тараканы бега подалась! Уходи, старая, туда, куда Макар телят не гонял. Узнаешь, чем крапива пахнет?!

Поплелась Федяшиха, куда глаза глядят. Три дня и три ночи шла. Голод и жажда измучили. Черен день и долга дорога. Глаза слезной пеленой застлало. От слез свету не видит. Просвету нет. Затемнился перед ней весь свет слезами. Обида сердце жгет. Думает:

– Знать скопились мои слезы в перелетную тучку да упали на сухую землю. У черствого человека жалости не вымолить. Добрых людей и горе красит, а бездушным и красота не к лицу.

На рассвете четвертого дня подходит она к деревне – две трубы, четыре избы, восемь улиц. Присела на пригорок. Малость запамятовала. Показалось ей, будто она в своей избе. Марья с Дарьей нарядные стоят. Она им косы заплетает. В углу Настенька сидит. От нее солнечный лучик светится.

– Как же это я, – думает, – того лучика раньше не заметила?

Слышит, будят ее.

– Что с тобой, тетенька?

– Вот, с пути сбилась. Ищу дочь свою младшую. Не живет ли в вашей деревне Настенька вавожская?

– Ах, Настенька – красно солнышко? Вон на горке живет. Сейчас скличем.

Смотрит Федяшиха. На горе избушка стоит. Крыша соломой покрыта. Двор кольцом. Три жердины конец с концом. Три кола вбито. Три хворостины завито, сверху бороной накрыто. Одни ворота, что на двор, что со двора. Рядом обрыв. Внизу речка течет... Летит по горе ясным соколом Иванушка. Штаны да рубаха по ветру полощут.

– Здравствуй, матушка! Как ты?

– Да, вот, – отвечает Федяшиха, – стыдно сказать и не сказать грешно. С капли дождь начинается да ливнем кончается. Хочу по миру пойти, милостыню собирать.





– Ох, постой, матушка! Плохи ты речи держишь. Утро вечера мудренее. Вот придет Настенька, как скажет, так и будет.

Подхватил Федяшиху и увел в избу. Воды натаскал. Баньку истопил. Чистое белье подал. Помылась Федяшиха. Переделалась. Белье-то Настенькино как раз в пору пришлось. В аккурат, нигде не жмет, не болтается.

Напоил Иванушка ее чаем и спать уложил на кровать деревянную, перину перовую, подушку пуховую. Прикрыл одеялом атласным.

Поутру, с сеного базара Настенька приезжает. По ненастью солнышком светит.

– Здравствуй, маменька! Как ты?

– Да, вот, – отвечает Федяшиха, – стыдно сказать и не сказать грешно. Стара стала. Обновилась. Хочу по миру пойти, милостыню собирать. Так не подашь ли мне, доченька, мешочек какой?

– Ох, стыд-то какой! Нет, маменька, мешочка я не подам! Лишний рот для нас не помеха. У нас жить будешь.

Достает Настенька подарки ижевские. Пять нарядных платьев, материалу единого, только размеру да фасону разного. Младшая дочка прыгает, в ладоши хлопает.

– Всем одинаковы, всем одинаковы...

– Да, как же иначе-то? Вы у меня, как пять пальцев на руке. Любой ущипни, больно будет. А тебе, маменька, платок кашемировый с незабудками да кистями шелковыми.

День прошел. Другой прошел. Третий идет.

Смотрит Федяшиха. Вроде изба старенькая. В углы просветы видны, а в избе светло и тепло. Изба по белу, без копоти. На долгой лавке с руки прясть и по свету. Не красна изба, а честь сытая. Ребятишек куст, а все одеты, ухожены. В избе разными вениками не метется.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.